

Снежная девушка без сердца

На обложке дорогой программки стояло: «Трио-94». Три портретика победителей трех знаменитых музыкальных конкурсов под знакомыми эмблемами: памятником Чайковскому (Хибла Герзмава, Гран при X конкурса), роялем — символом Конкурса пианистов имени Вана Клиберна (Симон Педроне, золотая медаль IX) и знаменитой короной Конкурса имени Елизаветы в Брюсселе (Яйон Тода, Гран при в 1993 году).

Симпатичная идея организаторов привлекла хоть не толпу, но полный партер зрителей (кстати, до нитки промокших под зонтами в этот самый дождливый вечер в Москве и вступивших в храм музыки на улице Герцена буквально вброд).

Это были еще не все трудности. На сцену не смог выйти дирижер, петербуржец Равиль Мартынов. В результате за пульт Московского филармонического оркестра встал его оркестрант. Он честно закрыл амбразуру, но потрясающим дебютом это, понятно, не стало. Легенда о том, как Бернштейн в похожей ситуации в одночасье стал знаменитым дирижером, останется в единственном числе. Правда, тот менеджер филармонии сумел тогда «завести» публику на дебют, и было получено благоговение самого Бруно Вальтера, да и кофе у «Карнеги-Холл» продавали перед концертами чудесный... Но вернемся от небожителей к нашему первому отделению, в котором в итоге все-таки благополучно прозвучало «Итальянское каприччио» П. И. Чайковского.

Закончила его первым концертом Бруха японка Яйон То-

да. Тоненькая девочка в черном платье очень напоминала нашу Наташу Корсакову, которую теперь так редко слышно в Москве. Игра Яйон чисто женская, нервная, романтическая, с приятными национальными особенностями. Сколько в ней волнения, грусти, грез (именно в ней, а не только в музыке Бруха, которую она опозитивировала до максимума). Сейчас ведь воздушные замки сплошь рушатся на эстраде от мощи, блеска, концертной агрессии. Яйон совсем не этим владеет, в кульминации перекрывает оркестр ей сложно, но зато есть вот такая индивидуальность, которая, возможно, поможет ей найти свое собственное место на музыкальных вершинах.

Единственное, о чем задумываешься: в больших залах играть ей все-таки пока сложно. В то же время у нее не камерная, не салонная манера. Вот где она прекрасно бы звучала — это с театральными или с кинематографическими оркестрами. Классический кадр Скорседе: красавица графиня стоит на берегу, всматриваясь в даль с плывущим кораблем. Влюбленный герой надеется, что она обернется, прежде чем корабль минует мыс, но... Она не обернулась, он уехал, фатализм, грусть, туман, маяк... Ни у кого в последнее время в игре я не слышала такой экзальтации маячивших надежд. Возможно, здесь плюсуется волнение. Дебют — чувства обострены. Но почему они тогда не обострены у десятков других конкурсантов, которых хочется называть исключительно спортсменами и бойцами?

Второе отделение контрастировало первому. Хибла Герзмава спела всего две партии,

и поклонницы были недовольны. Хотелось слушать еще и еще, но больше голос, чем образы. Однако кто бы успел показать себя за две арии, к тому же одного композитора? Снегурочка была неожиданно задорной — этакая резвушка. Не то что со снежным сердцем, а вовсе без него. А в арии Марфы из «Царской невесты» много что было: и чистый стиль Римского-Корсакова, и грамотные такты (сквозь которые «проглядывали» консерваторские зачеты), и дикация, и интонация. Только вот настоящей Марфы — беззащитной, загубленной, прекрасной — не было. Мы все думаем — пока?

Третий солист — итальянец Симон Педроне — внес в колорит концерта черные краски. Свое исполнение 24-го клавирного концерта Моцарта (знаменитого до-минорного) он посвятил, как объявила ведущая Жанна Дозорцева, памяти своего русского друга, умершего месяц назад в Италии. Всю оркестровую экспозицию он просидел со склоненной головой спиной к зрителям, во власти своих мыслей, и с последней нотой оркестра и первой своего соло начал скорбную «повесть». В ней было много не по-моцартовски, а по-бетховенски правдивых, человеческих музыкальных фраз, но те зрители, которые пришли познаться с уровнем Конкурса Вана Клиберна, были разочарованы (неумеренной педалью, не до конца освоенной крупной техникой, местами странным, немощавым туше). Мне кажется, молодой артист не мог справиться с собой. И известный концерт прозвучал очень субъективно, как будто не в Большом зале Московской консерватории, а в Schwarzschanerhaus'e, «доме с траурным флагом», в котором в Вене умирал одинокий Бетховен.

К чести Педроне надо сказать, что он тронул оркестр, а это тоже редко услышишь. Взрослые коллективы терпеливы с молодыми талантами, не более. А здесь было по-другому. И хочется пожелать, чтобы такое же внимание к себе, такой же теплый интерес публики «Трио-94» сумело удерживать много лет, в идеале — всю жизнь. Пусть они прославят свои конкурсы.

И. КОСМИНСКАЯ.